
Подсечно-огневое земледелие и гаражники: параллелизм практик, ресурсное освоение и структуры повседневности людей-невидимок

Д.С. ХАУСТОВ*

*Дмитрий Сергеевич Хаустов – кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск, Россия, dmitry.khaustov1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-696X>

Цитирование: Хаустов Д.С. (2025) Подсечно-огневое земледелие и гаражники: параллелизм практик, ресурсное освоение и структуры повседневности людей-невидимок // Мир России. Т. 34. № 4. С. 174–192. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-4-174-192

Аннотация

В предложенной статье предпринята попытка сравнительного анализа практик подсечно-огневого земледелия у восточных славян и экономической активности гаражников – людей, занимающихся кустарными и мануфактурными промыслами в гаражных боксах в городах России. Во многом представленная работа является развитием идей Джеймса Скотта и Дэвида Гребера об исторических корнях теневой (неформальной) деятельности.

В обеих исследуемых общностях преобладает артельный способ организации труда, требующий трудового вклада всех участников, в том числе владельца средств производства. Гаражная активность многопрофильна, «невидима» для государства, предъявляет специфические требования к размещению производств, что роднит гаражников с лесными земледельцами. Возможное объяснение схожести поведенческих паттернов хронологически столь далеко отстоящих друг от друга социальных общностей – это склонность к двухчастной социальной жизни, выявленная у разных локальных сообществ.

Ключевые слова: гаражники, подсечно-огневое земледелие, неформальная экономика, гаражная экономика, происхождение сельского хозяйства, артель, двухчастная модель социальной жизни

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в мае 2025 г.

«Глубокая вспашка не всегда есть заповедь рационального земледелия! Поэтому если я в дальнейшем, скажем, остаюсь “на поверхности”, то я прошу читателя не выводить этого так, без дальнейшего, из незначительности моего умственного кругозора, но объяснить это моим стремлением к возможно более правильному истолкованию исторических зависимостей. Как я уже сказал, подобная “неглубокая” трактовка предмета предполагает сильное самообладание»
[Зомбарт 2005, с. 295].

Происхождение сельского хозяйства: эволюция вечеринок?

В статье сделана попытка провести сравнительный анализ формально не связанных между собой хозяйственных практик – подсечно-огневого земледелия, практиковавшегося на Русской равнине на протяжении большей части отечественной истории [Петров 1968], и одного из секторов неформальной экономики, получившего название «гаражной экономики» [Селеев, Павлов 2016¹]. Анализ проводится в рамках критического подхода к историческому эволюционизму, предполагающему в качестве основной сюжетной арки всемирной истории политогенез, что оставляет за бортом «маленьких людей» любой эпохи. Наиболее известными и влиятельными представителями указанного альтернативного подхода являются антропологи Джеймс Кемпбелл Скотт (1936–2024 гг.) и Дэвид Рольф Гребер (1961–2020 гг.). В своих работах они подвергают ревизии как доминирующий государствоцентричный нарратив, так и повестку капиталистической экономики, опираясь на множество источников из бесконечно разнообразных областей – от археологии до лингвистики, от истории античности до истории научной фантастики.

Еще А.В. Чаянов писал, что экономические науки ориентированы на изучение хозяйственных практик, предполагающих максимизацию чистого дохода. «Все прочие (некапиталистические) типы экономических укладов считаются несущественными или находящимися в стадии отмирания; по крайней мере им отказывают в праве влиять на основополагающие явления современной экономики, и в результате они утрачивают какой-либо теоретический интерес» [Чаянов 1989, с. 114]. В период 1945–2019 гг. ряд исследователей начали проявлять интерес к альтернативным экономическим гипотезам и теориям, «в которых люди имеют значение». В данном случае на ум автору статьи приходят концепция «буддистской экономики» [Шумахер 2012], идея об «экономике Добра и Зла» [Седлачек 2016], а также исследование связи социальной власти и экологической динамики [Радкау 2014] и многие другие концепции «моральной экономики».

В целом, именно антропологи Джеймс Скотт и Дэвид Гребер внесли существенный вклад в ревизию наших представлений об экономике, государстве и менеджменте. В частности, Д. Гребер переворачивает наши представления о современной долговой экономике, рассматривая в качестве альтернативы разные кейсы моральных экономик, где функционируют «социальные деньги» [Гребер 2015],

¹ С рецензией на монографию С.С. Селеева, А.Б. Павлова «Гаражники» можно ознакомиться на сайте журнала «Мир России» // <https://mirros.hse.ru/article/view/7799/8589>

а в посмертно опубликованной работе «Заря всего. Новая история человечества» подвергает ревизии всемирную историю в целом [Гребер, Уэнгроу 2025].

Джеймс Скотт в своей известной работе, посвященной внесударственным жителям высокогорий Юго-Восточной Азии, также заново проблематизирует генезис государства, роль рабства и ряда сельскохозяйственных культур. И если для экономики Голливуда важны кукуруза и соль [Эпштейн 2021, с. 17–42], то для централизованных доиндустриальных империй – поливное рисоводство [Скотт 2017, с. 104–149], и в целом Дж. Скотт выступает «против зерна» как источника социальной стратификации всех исторических обществ [Скотт 2020].

А.Б. Павлов предлагает отказаться от линейных онтологий, описывающих российскую действительность: «Признать, что такого органического движения «по жизни» вовсе нет, а существует оно лишь в виде воздействия на эту самую жизнь интерпретаторами и реформаторами, которые своими интерпретациями и реформами сами и создают себе объекты приложения усилий» [Павлов 2016, с. 3]. Интересно, что сходные мысли есть и в последней из написанных Д. Гребером работ, посвященной радикальному переосмыслению всемирной истории [Гребер, Уэнгроу 2025]. Например, еще 50 лет назад считалось, что возникновение оседлости стало ответом на истощение ресурсов, вызванное интенсивными охотой и собирательством [Харрис 2024, с. 50–66]. «Меня интересует поразительный временной разрыв в четыре тысячелетия между появлением одомашненных зерновых и животных и тем объединением земледельчески-скотоводческих сообществ, которое принято считать древней цивилизацией. Аномальность этого отрезка истории, когда в наличии были все строительные блоки классического аграрного общества, но они не смогли собраться воедино, требует объяснения», – обозначает проблему этого хрестоматийного положения Дж. Скотт [Скотт 2020, с. 78]. Автор многотомной «Истории власти» М. Манн также отмечает, что «общая эволюционная теория применима для объяснения неолитической революции, но ее релевантность применительно к последующим событиям сокращается. <...> дальнейший ход общей истории был регрессионным (возвращение назад к ранговым и эгалитарным обществам), а также циклическим процессом обращения вокруг этих структур, неспособным достичь постоянной стратификации и государственных структур. На самом деле люди расходуют определенную часть своей культуры и организационных способностей на то, чтобы гарантировать, что дальнейшей эволюции не произойдет. Они не хотят увеличивать их коллективную власть, поскольку это предполагает рост дистрибутивной власти» [Манн 2018, с. 82].

С другой стороны, считать, что люди последовательно сопротивлялись возникновению социальной стратификации, государственных институтов и цивилизации – это та же склонность апеллировать к телеологии истории, как и представление о мудрых предках, которые самозабвенно работали над окультуриванием растений и животных. Существует целая группа теорий происхождения сельского хозяйства, которым можно дать общее название – «пиво раньше хлеба» [Слингерленд 2023, с. 128–132]. Согласно этой группе теорий пиршества с алкоголем и иными нейротоксинами предшествовали производству муки и хлеба, а вечеринки были необходимым ритуалом подтверждения и повышения статуса элиты. «Идея о том, что сельское хозяйство явилось побочным продуктом легкомысленной гонки за статусом, на первый взгляд противоречит здравому смыслу. Гораздо

более логичным представляется то, что к фермерству обратились ради предотвращения голода. Но возможно, мы недооцениваем глубинное стремление приматов к повышению статуса: до сих пор люди голодают, чтобы хорошо выглядеть» [Коннифф 2004, с. 109].

Теоретическая рамка исследования

Размышлять об этом на материале всемирной истории очень увлекательно, но подобного рода построения всегда будут подвергаться обвинениям в чрезмерной тенденции к обобщениям со стороны профильных специалистов. Не являясь историком и лишь отчасти – социологом, экономистом и культурологом, я постараюсь предложить свое объяснение на материале средневековой и актуальной истории России.

В своей работе, посвященной связи экологических и социальных кризисов в нашей стране X–XVII вв., Э.С. Кульпин отмечает, что в XII–XIV вв. в населенных пунктах с числом дворов свыше 50 проживала всего лишь 0,1% населения Русской равнины! При этом во дворах целинников – одно- и двухдворках жило 70% населения, в одно-двух-трех- и четырехдворках – 89,1% [Кульпин 2008, с. 141]. Можно сказать, что эти 9/10 населения занимались подсечно-огневым земледелием. И если о князьях, церкви, горожанах и крестьянах старопахотных земель мы имеем достаточное представление из летописей, то о жителях лесов мы узнали что-то определенное в основном благодаря этнографам более поздних эпох и археологам. Э.С. Кульпин, основываясь на анализе ряда источников, в том числе монографии В.П. Петрова [Петров 1968], делает радикальные выводы, что в X – первой половине XV в. в Северо-Восточной Руси для жителей русских лесов имели место следующие жизненные обстоятельства:

1. в целом благоприятный климат;
2. фактическое отсутствие дефицита плодородных земель и возможность заниматься разнообразными промыслами за счет освоения лесной целины, а также охоты, собирательства, рыболовства;
3. эксплуатация пашенной технологии, позволяющей иметь производительность труда в земледелии, возможно, наивысшую за всю историю России, причем при подсечном земледелии превышающую современную по зерноводству;
4. возможность вести обеспеченное, безбедное существование, отсутствие сколько-нибудь существенных налогов и, возможно, полное отсутствие для лесных людей феодальных повинностей;
5. практически полная свобода землепользования, но при отсутствии гарантированной собственности на землю;
6. независимость подавляющего большинства населения от княжеской власти и давления общины, возможно даже, раскрепощенность личности [Кульпин 2008, с. 140–141].

Эта картина противоречит хрестоматийному образу отсталого, косного крестьянства, с трудом выживающего в суровых условиях бескрайних российских просторов, большую часть года покрытых снегом и льдом.

Цель данного исследования заключается в выявлении определенных параллелей в деятельности лесных земледельцев той эпохи и современных гаражников. Мы предполагаем, что это поможет получить новое знание и о тех, и о других.

Гаражники – это люди, занятые трудовой деятельностью в гаражах, для описания которой отсутствует адекватный понятийный аппарат, несмотря на широкую распространенность гаражничества в провинциальной России: «применительно к гаражной деятельности говорить о бизнесе зачастую невозможно, а отнести такую деятельность к области самозанятости – значит заведомо признать ее маргинальную природу. Так что же, наклеивать на нее ярлыки неформальной или теневой экономики и использовать соответствующий инструментарий? Не получается: многие гаражники имеют легальный учетный статус и платят налоги. Использовать метод учета занятости <...> и рассматривать гаражников исключительно как рабочую силу? Неизбежно размывается суть явления», – пишут авторы известной монографии [Селеев, Павлов 2016, с. 7–8].

Разумеется, подсечное земледелие в средние века и нынешнее гаражничество хотя и имеют существенное сходство (сознательный уход от госрегулирования, артельная организация трудового хозяйства, что будет рассмотрено далее), но все же эти социальные практики существенно различаются. Средневековое подсечное земледелие – более чем самодостаточный натуральный уклад, охватывающий (предположительно) большинство тогдашнего сельского населения. Напротив, современное гаражничество – рыночная «паразитная» (основанная на «присасывании» к легальным структурам, вплоть до воровства у них электричества и деталей) деятельность, охватывающая относительно незначительную долю горожан, чаще всего совмещающих гаражничество с легальной занятостью. Сходство между этими практиками есть, но на фоне очевидных непредвзятому исследователю качественных различий. Тем не менее представляется потенциально плодотворным проведение подобного сравнения несравнимого: часто самые парадоксальные гипотезы являются и самыми эвристичными.

Как выглядит метод, примененный в данном исследовании? Во многом представленная статья имеет своей целью развитие идей Джеймса Скотта и Дэвида Гребера об исторических корнях теневой (неформальной) деятельности. Но не только. Во «Введении» к весьма фундированному труду «Климат: непрочитанная глава истории» В.В. Клименко пишет, как однажды ему в руки попался роскошно изданный атлас всемирной истории, а дальше он делает следующее замечание: «Листая большие цветные карты, я вдруг понял, что где-то уже видел подобное, но где же? Еще через мгновение мне стало ясно, что границы возникавших и угасавших империй, направления переселения народов временами очень напоминают карты природных зон и распределения температур и осадков по поверхности земного шара, которыми я каждый день пользовался в своем рабочем кабинете» [Клименко 2009, с. 12].

Разумеется, автор статьи весьма далек от автора приведенной выше цитаты и по научной специализации, и по уровню обобщений. Однако сама идея сопоставления двух независимых массивов данных (в данном случае – антропологических описаний: [Петров 1968] и [Селеев, Павлов 2016]) выглядит плодотворной и эвристичной по своей сути. В каком-то смысле проведенное исследование похоже на чтение параллельного текста – в поисках своеобразного конкорданса, выражаясь метафорически.

Попытаемся понять, кем являлись кочующие по лесам Русской равнины земледельцы и кого из себя представляют современные гаражники через сравнение их выборочного (и конечно же, неполного и однобокого) антропологического описания.

Подсечно-огневое земледелие и гаражный уклад: параллели

«Невидимость» гаражников для современного российского государства, а лесных земледельцев – для отечественной историографии

С.С. Селеев и А.Б. Павлов во «Введении» к своей работе отмечают, что гаражники – это уникальный феномен, который практически не отражается в информационном поле, не находит непосредственного учета в официальной статистике и «невидим для государства», но хорошо известен в российской повседневной жизни. Неплохо осведомлены о существовании «гаражной экономики» муниципальные власти. Однако уже на уровне субъекта РФ гаражники как массовое явление практически неразличимы [Селеев, Павлов 2016, с. 7].

Э.С. Кульпин полагает, что существует «две правды и две истории Северо-Восточной Руси». Одна – для целинника и лесовика, хозяйствующих по технологии подсечно-огневого земледелия, свободно и независимо живущих в лесу, не опасаясь ни татарских набегов, ни княжеских тиунов. И вторая – для «городской Руси» и крестьян старопахотных земель. Первая не оставила письменных источников и практически никому не известна; вторая – известна всем со школьной скамьи. Первая есть история большей части населения Руси; вторая – меньшинства, возможно, демографически ничтожного, но по умолчанию (другая история практически неизвестна) распространяемая на весь древнерусский этнос [Кульпин 2008, с. 141]. Впрочем, это известная историографическая проблема «молчаливого большинства», как правило оставляющего после себя только археологические памятники и очень редко – письменные. О заметно более позднем периоде русских революций начала прошлого века Теодор Шанин употребляет термин «социальный дуализм», что предполагает определенную историческую преемственность описанной двухчастной социальной структуры [Шанин 2019, с. 52–57]. С другой стороны, эксплуатируемые классы в принципе крайне редко попадают в поле зрения историографов-современников, что хорошо показано в опубликованной несколько лет назад работе по истории античного Рима [Hann 2017]. В случае же с Россией все может осложняться мороком наведенных концепций вполне в духе *subaltern studies*, когда, например, «крестьян делают отсталыми» [Коцонис 2006].

Сложный, многопрофильный и нетривиальный характер деятельности крестьян-лесовиков и гаражников

Специалист по истории подсечно-огневого земледелия В.П. Петров отмечает следующие особенности хозяйствования в условиях почти сплошных лесных массивов:

- ежегодные поиски новых лесных участков, соответствующих определенным требованиям места и почвы;
- высокая трудоемкость работ по сельскохозяйственному освоению выбранного участка, валка деревьев с помощью подсечки или рубки;
- роль огня в производственном процессе, посев в золу;
- ограниченные размеры лесного посевного участка;
- продолжительный срок подготовки подсеки к выжигу и сравнительно короткое время хозяйственного пользования рощистью;
- забрасывание участка после сбора урожая и лесовозобновление;
- взаимозависимость всех звеньев в системе подсечного земледелия как составной части лесного хозяйства;
- включение в хозяйственный уклад охоты, бортничества, рыболовства, лесных промыслов и ремесел, опирающихся на использование лесной растительности [Петров 1968, с. 10].

С.С. Селеев и А.Б. Павлов полагают, что ближайшим историческим аналогом гаражей можно считать промысловые помещения при старых помещичьих усадьбах, но эта аналогия также не очень продуктивна, поскольку объединение промысловиков по профессиональному признаку (цеха) принципиально отличается от объединения гаражников по географическому признаку (гаражи) [Селеев, Павлов 2016, с. 9–10]. На наш взгляд, гаражи – это в определенном смысле часть вмещающего ландшафта в его урбанизированном варианте. Может ли быть аналогом гаражей лес Северо-Восточной Руси? Необычная постановка вопроса, однако можно выявить определенные аналогии.

Жизнь подсечно-огневых земледельцев до некоторых пор была самодостаточна, а «в ГСК могут оказываться все услуги, необходимые для автономного существования, которое сводит к минимуму связи с внешним миром» [Селеев, Павлов 2016, с. 41]. Отчасти это похоже на ситуацию последних лет Российской империи, где «крестьяне, перебирающиеся в города, имели тенденцию селиться там компактно, формируя специфическую среду, для которой был характерен артельный дух и уклад жизни. Артель – это традиционный способ организации группы крестьян, уходящих в город на временные заработки. Обосновываясь в городе постоянно, крестьяне, тем не менее, старались держаться сообща и поддерживать друг друга в случае необходимости» [Шанин 2019, с. 50–51].

В связи с многопрофильностью подсечного хозяйствования В.П. Петров отмечает, что отдельные виды работ, соотносимые с лесным хозяйством в его общей производственной структуре, выполнялись, как правило, не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими – например, охота и розыски подсеки, промысловая и земледельческая подсека и т. д. [Петров 1968, с. 11].

Также С.С. Селеев и А.Б. Павлов отмечают, что многие гаражники занимаются более чем одним видом деятельности: представители этой немного загадочной социальной общности стараются активно использовать самые разные возможности и удовлетворять потребности социального окружения. Например, автомеханик начинает скупать и восстанавливать битые автомобили, чтобы «поставить их на такси»; мебельщик в отсутствие заказов занимается интернет-маркетингом; пекарь в свободное время ремонтирует электронику; сварщик покупает «Газель», чтобы «бомбить» на ней и т. п. Часто в подобных случаях стандартный вопрос, обращенный к гаражнику: «Чем вы занимаетесь?», ставит респондентов в тупик,

несмотря на то, что общение происходит в оборудованном гараже во время работы. Авторам исследования попадались гаражники, многократно менявшие вид деятельности под воздействием изменившихся внешних условий, причем очень часто они не покидали прежнего гаражного бокса [Селеев, Павлов 2016, с. 58–59].

На наш взгляд, можно считать неким ландшафтным гомологом лесов Владимир-Суздальской земли не отдельный гаражный бокс, а гаражно-строительные кооперативы, часто возводимые «пучками» как пара- или протопромышленные зоны постсоветских городов.

Комплексный характер локализации места осуществления хозяйственной деятельности, диктуемый многими факторами

Интересно, что как гаражники не могут начать нужное им производство в первом попавшемся гараже, так и крестьяне, ушедшие в лес, очень тщательно подходили к выбору участка для подсечно-огневого земледелия.

Среди факторов, определяющих размещение гаражного производства, С.С. Селеев и А.Б. Павлов отмечают следующие [Селеев, Павлов 2016, с. 32–33]:

- местоположение на «бойком месте», вблизи транспортных магистралей в городской черте;
- возможность производственной кооперации;
- наличие коммуникаций – качество электроэнергии, близость водопровода, газоснабжение;
- близость к источнику специализированных ресурсов – наличие заводов, перерабатывающих специфическое сырье или производящих специфические изделия (необходимо, например, для гаражного производства контрафактных деталей и т. п.)

Факторы, препятствующие конкретной хозяйственной деятельности в гаражах, выглядят следующим образом [Селеев, Павлов 2016, с. 28–32]:

- качество электроэнергии и разводки электричества (в т. ч. техническая возможность уйти от промышленного тарифа и прямого хищения электроэнергии);
- сложность подъезда или проезда по рядам гаражного кооператива на автомобиле;
- малый размер гаражных боксов;
- угроза сноса гаражей;
- борьба членов «ремесленных» ГСК с ярко выраженной специализацией против тех, кто использует гаражный бокс не по назначению – вразрез со сложившимся на территории гаражного кооператива доминирующим профилем производства.

Нечто похожее мы можем наблюдать и при подсечно-огневом земледелии. В.П. Петров, критикуя интерпретацию подсечно-огневого земледелия как бродячего, пишет следующее: «В высшей степени странно видеть в переселениях с новины на новину выражение неусидчивости или же какой-то особой склонности русского человека к бродяжничеству. <...> Напротив, все элементы, определявшие структуру подсечного земледелия, – новинный характер посевных участков, кратковременность земледельческого их использования, разбросанность

и удаленность их угодий и пр., – отвечали системе связей, которая ни в одном из звеньев не могла быть нарушена» [Петров 1968, с. 20–21]. Почему же тогда возник тезис о бродяжничестве подсечки?

Бродяжничество при подсечке стало следствием необходимости тщательного выбора расчищаемого участка: далеко не каждый из них мог быть использован при подсечно-огневой технологии. Скудное техническое оснащение крестьянина позволяло вести хозяйство в лесу только при соблюдении двух условий – максимально благоприятного расположения участка и в целом незначительных размеров лесопользования. «Поиски и выбор составляют своеобразную черту подсечного земледелия в отличие от пашенного» [Петров 1968, с. 28]. Старались выбирать: 1) места у берегов рек, особенно на полуостровах и мысах, где лес не так сильно затемняет пашню и 2) участки на возвышенностях, поскольку в низинах часто застаивался холодный воздух, а почва после росчисти имела тенденцию к заболачиванию [Кульпин 2008, с. 72–75].

Джеймс Скотт, рассуждая о регионе Зомия и подсечно-огневых технологиях, применявшихся беглецами в горах этого региона Юго-Восточной Азии в домодерную эпоху, отмечает многообразие мотивов бегства из центров государств, при этом пытаясь их условно классифицировать. Автор также пишет о позитивных причинах предпочтения подсечно-огневого земледелия в горах и отказа от поливного рисоводства в долинах. В условиях существования избытка свободных земель, что характеризовало крестьянскую действительность во многих регионах планеты вплоть до недавнего прошлого, подсечно-огневое земледелие было более эффективным с точки зрения производительности труда, чем поливное рисоводство. Подсечно-огневая технология гарантировала более вариативный рацион питания в природных условиях, которые способствовали более здоровому образу жизни. Кроме того, в сочетании с собирательством и охотой на «продукты», которые высоко ценились на рынках долин и в международной торговле, подсечно-огневое земледелие обеспечивало более высокие доходы при сравнительно небольших затратах труда. Таким образом, житель леса мог сочетать социальную независимость с выгодными торговыми обменами. Перемещение в горы в большинстве случаев не предполагало обретения свободы ценой материальных лишений [Скотт 2017, с. 241].

Таким образом, локализация как подсечных участков, так и производственных гаражных боксов имеет свою неявную, но вполне рациональную логику. Важным является определенное совпадение этих логик – привязка места хозяйствования ко многим факторам внешней среды; частая смена профиля хозяйственной активности; высокая мобильность акторов в рамках более-менее строго очерченного ареала. Отсюда и проистекает сложный, комплексный характер места осуществления хозяйственной деятельности: идет ли речь о подсечно-огневом земледелии, или о неформально-гаражном надомничестве.

Патриархальный, артельный характер производства

Большие многопоколенные семьи, способные вести сложное подсечно-промысловое хозяйство починкового типа, представляли собой минимально необходимый производственный механизм подсечного земледелия. Подсечно-огневое земледелие

лие требовало приложения коллективного труда, совокупных усилий крупных семейно-общинных объединений. Однако в процессе трансформации подсечно-огневого сельскохозяйственного уклада в подсечно-пашенный и полевой пашенный патриархальные семьи русских крестьян распались и мельчали. Концентрируясь в селах и теряя прежнюю хозяйственную самостоятельность, преднуклеарная семья обрабатывала выделенный ей участок полевой земли с учетом, однако, того, что, кроме участка пашни, почти каждая такая семья имела еще запольную делянку в лесу. В целях расчистки лесной новины и разработки подсеки малые семьи объединялись на артельных началах. Архаичный семейно-родственный принцип организации подсек по мере роста населения начал уступать место новому – артельному [Петров 1968, с. 17–19].

Таким образом, с переходом от жизни в лесу к более цивилизованным способам хозяйствования у русских крестьян стала наблюдаться постепенная трансформация производственных отношений в артельные, которые С.С. Селеев и А.Б. Павлов также фиксируют в гаражной экономике. В рассмотренных ими производственных «коллективах» довольно редко наблюдается практика работы по найму, легальному или теневому, как и отношения, строящиеся по схеме «работодатель – работник» и использующие формальный институт заработной платы. Примечательно, что многие гаражные «бизнесы», которые изначально ориентировались на трудовые отношения «по науке», со временем от них отходили, обнаруживая низкую эффективность этого способа организации труда, и обращались к общераспространенным гаражным практикам. Эти практики явно имеют генетические связи с артельной организацией труда, при которой отношения «работодатель – работник» заменяются отношениями, построенными на учете трудового участия в сочетании с пропорциональным разделением ответственности. В такого рода отношениях место заработной платы занимает доля в доходах, зависящая от вложений труда [Селеев, Павлов 2016, с. 54].

Авторы монографии о гаражниках приводят курьезный случай несоответствия нормативных установок западной экономической науки и гаражных нормативных ожиданий:

«Владелец крупнейшего гаражного производства мебели, поначалу намеревавшийся развивать дело в русле классической бизнес-логики “по учебнику”, признался нам, что уже через несколько месяцев работы был вынужден пересмотреть свои взгляды на организацию труда и отказаться от института наемного труда с выплатой фиксированной заработной платы и системой денежных наказаний и поощрений. Несмотря на высокий уровень зарплаты, эта система привела к тому, что работники стали разбегаться, уходить на другие производства, где “все по справедливости”. Пришлось перейти на другой принцип мотивации – выплаты доли от стоимости произведенного товара, которая специально рассчитывалась для каждой детали и операции. Вместе с тем был отвергнут и принцип удержания работников на рабочем месте, а также жесткий рабочий график, что дало лишь положительные результаты: несмотря на текучесть кадров, выработка на одного работника стала выше, а часть операций удалось вообще вывести за пределы производства, поскольку участники квазикооператива с успехом начали проводить их в собственных гаражах (вплоть до производства готовых изделий). К настоящему моменту такой “аутсорсинг” дает около половины оборота» [Селеев, Павлов 2016, с. 54–55].

В одном исследовании, посвященном артельной организации труда, отмечается несводимость функций русской артели лишь к экономике [Аверьянов и др. 2014]. В хозяйственной артели огромную роль играли неэкономические факторы и принципы: в неэкономических же артелях они проявлялись во всей полноте. Целью деятельности подобного объединения, даже когда предполагаются в основном производство и реализация собственного продукта, не является только и исключительно прибыль – существует множество внеэкономических мотивов создания и поддержания функционирования артели. Чисто хозяйственные трактовки сущности артели, подходы к ее изучению как к форме организации, мотивированной на получение прибыли, продемонстрировали свою несостоятельность [Аверьянов и др. 2014, с. 13]. Это замечание во многом справедливо и для гаражных промыслов. В частности, показателен механизм передачи дела, где наиболее распространенным способом является институт ученичества [Селеев, Павлов 2016, с. 60]. Чаще всего учениками выступают дети или молодые зятья гаражного мастера, однако в ряде случаев наследники после обучения не выказывают желания заниматься гаражной деятельностью или не могут с ней справиться организационно. В этих случаях гаражная деятельность прекращается, особенно если работа ведется артельным способом. Как выяснилось, для работы в артели только технических навыков и социального капитала недостаточно: необходимым элементом также выступает тонкое чувство справедливости, которое гарантирует стабильность и обеспечивает должный уровень уважения. По той же причине провалом заканчиваются и попытки руководить переданным по наследству делом без собственного трудового участия. Потребительское отношение к гаражной деятельности исключительно как к способу извлечения дохода приводит к распаду артели [Селеев, Павлов 2016, с. 61].

Вернер Зомбарт в своей полемике с Максом Вебером относительно религиозных основ генезиса капитализма делает акцент на католических, а не протестантских корнях капитализма. При этом в одной из работ, анализируя идеи позднесредневековых схоластов, он делает, казалось, парадоксальный вывод: запрет ростовщичества стал сильнейшим побуждением для развития капиталистического духа!

«Простой ссудный процент во всяком виде запрещен; прибыль на капитал во всяком виде дозволена. <...>

Одно лишь ограничение ставится: капиталист должен непосредственно – в прибыли и убытке – участвовать в предприятии. Если он держится на заднем плане, если ему не хватает отваги, “предпринимательского духа”, если он не хочет рисковать своими деньгами, тогда он не должен и получать прибыли. Следовательно, и тогда, когда кто-либо дает ссуду за твердый процент на производительные цели, но не несет и эвентуального убытка, рост является недозволенным. <...>

Мы знаем, что схоластики ничто так не осуждают, как бездеятельность. Это с ясностью проявляется и в их учении о прибыли и росте: тот, кто только отдает деньги в ссуду в рост, не действуя сам в качестве предпринимателя, ленив, он и не должен получать награды в виде процента. Поэтому запрещен, как мы видели, рост и на такую ссуду, которая употребляется на производительные цели, если производительную деятельность осуществляют другие» [Зомбарт 2005, с. 308–309].

Весьма примечательна переключка в воззрениях томистов и современных российских гаражных кустарей! Чем она может быть обусловлена? Сомнительно, что кто-то из гаражников читал «Сумму теологии» Фомы Аквинского или работы В. Зомбарта: скорее, дело в некотором соответствии социально-экономических условий постсоветского транзита и Европы на переходе от поздних Средних веков к раннему Модерну. В. Зомбарт, как известно, критиковал знаменитую «Протестантскую этику и дух капитализма» Макса Вебера. По мнению В. Зомбарта, работа его известного коллеги – это слишком хорошо выполненный (в богословском смысле) сборник этюдов, который благодаря скрупулезному разбору тончайших разветвлений западного христианства заставляет автора ложно истолковать действительные причины и связи: так сказать, понуждает не увидеть за деревьями леса [Зомбарт 2005, с. 294–295]. Собственно, учение Фомы Аквинского не надо было читать: оно являлось выражением здравого смысла эпохи. По В. Зомбарту, томизм – доктрина, обеспечившая влияние, которое католицизм оказал на развитие капиталистических отношений посредством формирования «внутримировой этики естественного закона с разумной целью организации единства и блага человечества во всех духовных и материальных ценностях» [Зомбарт 2005, с. 294–296].

Вполне правдоподобно предположение, что и в XVII в. широкие народные массы (как и гаражники сейчас) не читали трудов Фомы Аквинского. Простые люди не имели осознанной потребности в методическом контроле своего состояния благодати, поскольку такие догматические тонкости редко проникали в сознание обывателя. «Для него решающим все же было то, что священник (Бог) велит вести этот определенный образ жизни, который мы обозначаем как “рационализированный”, но который верующему представлялся не иначе как суммой предписаний. И он следовал велению священника (Бога) в той мере, на сколько он был богобоязнен. <...> А так как содержание предписаний в учении св. Фомы и пуританизме дословно то же самое, то несколько более строгое им следование и тем самым более сильная рационализация и методизация образа жизни у пуритан не могут быть объяснены ничем иным, как усилением религиозного чувства у людей XVII столетия» [Зомбарт 2005, с. 317].

Два вытекающих из представленных выкладок вопроса – в чем причина усиления религиозного чувства времен великой охоты на ведьм, и каковы аналоги религиозных предписаний священника для современных российских гаражников – достойны, на наш взгляд, отдельных исследований.

Отсутствие «твердых» формальных прав на производственные фонды при очень мягких фактических ограничениях на привлечение разнообразных ресурсов для хозяйственных нужд

По мнению специалистов, одним из базовых условий устойчивой практики подсечно-огневого земледелия является наличие обширных лесных пространств, неограниченной площади нетронутых лесов и свобода пользования ими [Петров 1968, с. 25; Скотт 2017, с. 241]. Таким образом, речь идет об условно бесплатных ресурсах, используемых населением. Причина «бесплатности»

очевидна – невозможность эффективного контроля со стороны государства, подданные которого при первой необходимости исчезают в бескрайних лесах.

В случае с гаражниками ситуативные решения выглядят более изящно: например, значимым фактором, фиксирующим промысловую специализацию гаражного кооператива, является «возможность воровать электроэнергию; зачастую в ГСК это осуществляется централизованно» [Селеев, Павлов 2016, с. 28–29]. Другой пример использования ресурсной ренты – это «ГСК, находящиеся рядом с заводами и специализирующиеся на переработке сырья или поставке изделий. Чаще всего они заняты поставкой контрафактных запчастей (кустарное производство или переборка старых узлов и агрегатов и продажа их под видом новых) или сборкой готовых устройств из деталей, которые можно вынести с завода-донора» [Селеев, Павлов 2016, с. 33]. С другой стороны, это потребительское отношение к экосистеме имеет и оборотную сторону: крестьянина, живущего в лесу, могут закрепить, а гаражника – принудить к легализации рабочего места (бизнеса) или же забрать гаражный бокс. Разумеется, указанные мероприятия возможны в определенном социальном и экологическом контекстах.

Тот же Э.С. Кульпин вслед за В.О. Ключевским пишет о внутренней – монастырской – колонизации Русской равнины православной церковью, где «человек города уходил вовсе не в “пустынь”, а во вмещающий ландшафт хозяйствующего лесного человека», юридически оформляя земельное владение [Кульпин 2008, с. 153]. Вероятно, отчасти причиной выступал дефицит земель в условиях роста населения и сведения лесов в результате использования подсечно-огневых технологий [Кульпин 2008, с. 165].

Одним из факторов, мешающих изменению назначения гаражей является угроза их сноса. Чаще всего данная проблема возникает из-за нежелания муниципалитета оформлять аренду земли для ГСК. Однако, если единственным ограничителем использования гаражей для той или иной деятельности становится председатель, его смещение оказывается практически неизбежным, причем для этого могут применяться разные методы, вплоть до криминальных: например, в одном из ГСК Ульяновска снесли бульдозером гаражный бокс, который председатель сдавал в аренду и т. д. [Селеев, Павлов 2016, с. 29]. Если же кто-то использует гаражный бокс вразрез со сложившейся в ГСК производственной специализацией, то гаражники при поддержке председателя начинают активно противодействовать «отщепенцам»: прекращают отношения аренды, отказываются сдать или продать гаражный бокс [Селеев, Павлов 2016, с. 31]. Таким образом, и сами гаражники оценивают свои права владения как достаточно условные.

С.С. Селеев и А.Б. Павлов документируют недоверие со стороны гаражников к государственным институтам. «Основной причиной фактического <...> игнорирования этих институтов, судя по всему, надо признать их полную ненужность для гаражной деятельности, особенно в тех случаях, когда следование правилам, установленным государством, не сопровождается получением от него ресурсов. Гаражникам не нужны ни регуляторы, ни регламенты, ни институты формального права – все соответствующие функции в полной мере выполняет социальная среда, в которой ведется гаражная деятельность» [Селеев, Павлов 2016, с. 72–73]. Судя по всему, это одна из причин, почему гаражники предпочитают не платить налоги.

Заключение

Как же так получилось, что современные гаражники ведут себя отчасти похоже на то, как вели себя их далекие предки, кочующие по бескрайним русским лесам? На наш взгляд, возможные подходы к решению этой головоломки являются комбинациями следующих концептуальных элементов.

Б.Н. Миронов утверждает, что мышление крестьян незадолго до русских революций 1905–1922 гг. было симпрактическим, то есть предполагающим практический анализ и синтез, передачу информации с помощью «предметных схем действий» (с помощью наглядного примера), обобщение без отрыва от конкретного, без выхода за пределы непосредственно данной информации [Миронов 2019, с. 338–341]. Представляется, что отдельные элементы такого мировосприятия есть и у гаражников. Но откуда такие особенности, которые позитивистская наука считает глубокой архаикой?

А.Б. Павлов отмечает, что в подобного рода деятельности отсутствуют планирование, инерционность и глубокая специализация, то есть признаки развитой и специализированной экономики. Склонность к планированию вредна, поскольку данные практики ориентированы не на налаживание процессов, имеющих собственную меру инертности, а на быстрое освоение ресурсов в условиях жесткой конкуренции за доступ к ним. Чем более дефицитен ресурс, тем большее значение имеет скорость его захвата и освоения, что выводит высокую инерционность за пределы позитивных факторов хозяйственной деятельности. Отсюда следуют отказ от профессионализма и разделения труда в пользу универсальности (каждый должен уметь осваивать любые попадающиеся ресурсы и контролировать доступ к ним), артель как преобладающий тип хозяйственной организации, неразделенность рабочих и прочих социальных практик как стиль жизни, наличие протобюджета («общака»). Именно так, по мысли автора, функционирует «пацанская экономика» [Павлов 2016, с. 23–26].

На наш взгляд, косвенным подтверждением данного предположения является удивительно стабильная доля занятых в теневом секторе на протяжении 2013–2023 гг. – 14–15 млн чел. [Репецкая 2024, с. 1440]. Между тем, этот период охватывает две точки бифуркации – 2014 и 2022 гг.! Для сравнения: число лиц, совершивших экономические преступления в составе организованной группы лиц (так называемая «организованная преступность в экономической сфере»), за примерно тот же период (2015–2023 гг.) выросло практически в два раза – примерно с менее 9 тыс. до 17 тыс. [Иванцов, Молчанова 2025, с. 18]! Удивительная стабильность неформального сектора экономики, очевидно, не определяется ни политико-экономической конъюнктурой, ни динамикой определенного рода правонарушений: видимо, это просто одна из «структур повседневности», как их определял Ф. Бродель. «Этот уровень занятости, лежащий ниже рыночного, или за пределами рынка, достаточно значителен, чтобы привлечь внимание иных экономистов: разве он не дает самое малое от 30% до 40% национального продукта, которые таким образом ускользают от всякого статистического учета даже в индустриально развитых странах?» [Бродель 2006, с. xxxiii].

В завершении статьи хотел бы вернуться к вопросам, которые могут возникнуть у внимательного и требовательного читателя: как вообще можно сравнивать

несравнимое – носителей (как минимум) многовекового уклада и официально трудоустроенных горожан, по выходным пьющих пиво и что-то мастерящих в гаражных боксах, временами паразитирующих на городской инфраструктуре? И можно ли вообще говорить о каком-то социальном развитии, если все же принять тезис автора данной статьи?

Наш весьма предварительный вывод опирается на последнюю работу Д. Гребера, где он с соавтором пишет о роли сезонной изменчивости в социальной и политической жизни человека [Гребер, Уэнгроу 2025, с. 95–106]. Перед глазами читателя проходит целая вереница описанных антропологами сообществ, которые объединяет одна особенность: одна и та же группа может в течение одного сезона (например, летом) иметь жесткую социальную иерархию, в том числе институционализированные силы правопорядка, а по его окончании – склонна распадаться на анархистские автономные группы. Для авторов странно не то, как возникло социальное неравенство, а то, «как мы в нем застряли?» [Гребер, Уэнгроу 2025, с. 100]. Если доверять выводам маститых авторов, то можно предположить, что общее у переложных земледельцев, гаражников и прочих бесчисленных и безымянных индивидов, запертых в «структурах повседневности», – это как будто естественная двухчастность социальной реальности, которая в целом не очень типична для подданных «регулярного государства». Теодор Шанин рассуждает о дуализме российского общества в позднеимперский период, где параллельно жили горожане и крестьяне, что весьма отдаленно напоминает реализацию схемы, предложенной Д. Гребером и Д. Уэнгроу. Например, о русской революции 1905–1907 гг. Т. Шанин пишет, что она «по сути должна быть названа двумя революциями или двойной революцией, поскольку каждое из этих событий отличалось от другого по форме, организации и срокам: когда городское восстание было уже подавлено, массовые поджоги помещичьих усадеб и захват барских земель только начались. Характерен лозунг восставших крестьян: “Земля принадлежит Богу!”» [Шанин 2019, с. 54–55]. Получается, что и крестьяне с точки зрения феодального и любого формального (то есть государственного) права – это «паразиты», занимающиеся самозахватом чужого (принадлежащего государству или феодалу) имущества.

Примечательно, что о Российской империи начала XX в., как и о Российской Федерации начала XXI в. нельзя говорить как об обществе переложных земледельцев – это очевидно, но тем интереснее антропологические совпадения.

Правомерно ли называть лесных земледельцев и гаражников «паразитами» и «ворами» не с правовой (здесь автор не обладает необходимой компетенцией), а с антропологической точки зрения? Те же Д. Гребер и Д. Уэнгроу пишут, что для многих сообществ коренных американцев понятие «частной собственности» было глубоко чуждо: «если оно вообще встречалось, то лишь применительно к сакральным объектам» [Гребер, Уэнгроу 2025, с. 139]. Разумеется, автор предложенной статьи далек от мысли, что у всех современных гаражников есть четкие, отрефлексированные представления о сакральном, но, предположительно, речь может идти о каких-то культурных рудиментах?

Можно ли говорить о социальном развитии, если все же представленные выкладки счесть убедительными? Возможно, имеет смысл для анализа социальной динамики применять как идеи Дж. Скотта и Д. Гребера, так и концепцию «катастрофического развития», предполагающую параллельное существование несво-

димых друг к другу социальных практик, пока не произойдет коллапс одной из них [Березкин, Каницкая 2024]. Однако данное соображение заслуживает отдельного (и не одного!) исследования.

Можно допустить, что именно эти концепции могут помочь объяснить выявленный нами параллелизм практик и установок.

Список источников

- Аверьянов В.В., Венедиктов В.Ю., Козлов А.В. (2014) Артель и артельный человек. М.: Институт русской цивилизации.
- Березкин Ю.М., Каницкая Л.В. (2024) Как можно помыслить развитие финансовой деятельности? // Известия Байкальского государственного университета. Т. 34. № 2. С. 251–259. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(2).251-259
- Бродель Ф. (2006) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир.
- Волков В.В. (2020, 2022) Силовое предпринимательство: XXI век, экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гребер Д. (2015) Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гребер Д., Уэнгроу Д. (2025) Заря всего. Новая история человечества. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Зомбарт В. (2005) Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль.
- Иванцов С.В., Молчанова Т.В. (2025) Организованная преступность в сфере экономической деятельности: анализ и тенденции // Всероссийский криминологический журнал. Т. 19. № 1. С. 15–27. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(1).15-27
- Клименко В.В. (2009) Климат: непрочитанная глава истории. М.: МЭИ.
- Коннифф Р. (2004) Естественная история богатых: Полевые исследования. Екатеринбург: У-Фактория.
- Коцонис Я. (2006) Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение.
- Кульпин Э.С. (2008) Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: ЛКИ.
- Манн М. (2018) Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: Дело.
- Миронов Б.Н. (2019) Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Напп Р. (2017) Скрытая жизнь Древнего Рима. Рабы и гладиаторы, преступники и проститутки, плебеи и легионеры... Жители Вечного города, о которых забыла история. М.: Центрполиграф.
- Павлов А.Б. (2016) Демон перемен. Введение в оперативную алхимию российской жизни. Ульяновск: ИП Павлов А.Б.
- Петров В.П. (1968) Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка.
- Радкау Й. (2014) Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ.
- Репецкая А.Л. (2024) Современный криминальный рынок рабочей силы: характеристика и противодействие // Baikal Research Journal. Т. 15. № 4. С. 1438–1446. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1438-1446
- Седлачек Т. (2016) Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники. М.: Страна Оз.
- Скотт Дж. (2017) Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство.
- Скотт Дж. (2020) Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Дело.

- Слингерленд Э. (2023) Навеселе: Как люди хотели устроить пьянку, а построили цивилизацию. М.: Альпина нон-фикшн.
- Харрис М. (2024) Канныбалы и короли. Истоки культур. М.: Циолковский.
- Чаянов А.В. (1989) К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства. С. 114–143 / Чаянов А. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика.
- Шанин Т. (2019) Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925. М.: Дело.
- Шумахер Э.Ф. (2012) Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: ВШЭ.
- Эпштейн Э. (2021) Экономика Голливуда: На чем на самом деле зарабатывает киноиндустрия. М.: Альпина Паблишер.

Slash-and-burn Agriculture and Garageniks: Parallel Practices, Resource Appropriation, and Everyday Structures of Invisible Lives

D.S. KHAUSTOV*

***Dmitry S. Khaustov** – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation; dmitry.khaustov1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-696X>

Citation: Khaustov D.S. (2025) Slash-and-burn Agriculture and Garageniks: Parallel Practices, Resource Appropriation, and Everyday Structures of Invisible Lives. *Mir Rossii*, vol. 34, no 4, pp. 174–192 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-4-174-192

Abstract

This article provides a comparative analysis in the form of a parallel reading of two texts: the first text is devoted to the description of slash-and-burn agriculture among Eastern Slavs and Russians, the second analyzes the economic practices of garageniks – people engaged in handicraft and manufacturing in garages in many cities of Russia. The discussions among anthropologists regarding the transition to agriculture is presented in the context of why humanity did not advance to the stage of sustainable agricultural techniques for a long time. In many ways, the work is a development of James Scott's and David Graeber's ideas about the historical roots of the shadow economy. In identifying parallels in the activities of the forest farmers of that era and modern garageniks, the author comes to a number of conclusions. Garageniks and the shifting farming residents of the Russian Plain have one basic similarity: they are at least partly invisible to the state. Here it is legitimate to speak about the rootedness of both economic structures in "the structures of reality" (Braudel's term) – grassroots practices that, as a rule, escape the gaze of state statisticians. Both nominal social communities are characterized by the complex, multidisciplinary, and non-trivial nature of their activity, which rejects specialization, a developed division of labor, and long-term planning. This type of activity is not aimed at increasing economic

The article was published as part of the HSE University project "University Partnership", to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in May 2025.

efficiency, but at finding and developing a “nobody’s” resource. This determines the complex nature of the localization of economic activity, dictated by many factors: forest farmers are forced to periodically change their plots; garageniks are forced to adapt to the economic specialization of a specific garage cooperative. In both communities, the *artel* method of organizing labor predominates, requiring all participants to contribute labor, including the owner of the means of production. The latter is consistent with the medieval views of the Scholastics on the nature of labor and capital. The distributed nature of economic practices and the invisibility of forest farmers and garageniks to the state naturally coincide with limited property rights to fixed assets – land plots and garages, respectively. A possible explanation for the similarity of the behavioral patterns of such chronologically widely separated social communities is the tendency toward a two-part social life identified in different local communities. This is indirectly confirmed by the stable share of the informal sector in the Russian economy, which did not change with the external economic shocks of 2014 and 2022, nor on the tightening of the fight against economic crime.

Keywords: *garageniks, slash-and-burn agriculture, informal economy, garage economy, origin of agriculture, artel, two-part model of social life*

References

- Averyanov V.V., Venediktov V.Yu., Kozlov A.V. (2014) *Artel and Artel Man*, Moscow: Institute of Russian Civilization (in Russian).
- Berezkin Yu.M., Kanitskaya L.V. (2024) How Can You Contemplate the Development of Financial Activities? *Bulletin of Baikal State University*, vol. 34, no 2, pp. 251–259 (in Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(2).251-259
- Braudel F. (2006) *Civilisation Matérielle, Economie et Capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. T. 1. Les Structures Du Quotidien: Le Possible et L'impossible*, Moscow: Le monde entier (in Russian).
- Chayanov A. (1989) On the Theory of Non-Capitalist Economic Systems. *Chayanov A. Peasant Economy: Selected Works*, Moscow: Economica, pp. 114–143 (in Russian).
- Conniff R. (2004) *Natural History of the Rich: A Field Guide*, Yekaterinburg: U-Factoria (in Russian).
- Epstein E. (2021) *The Hollywood Economist. The Hidden Financial Reality behind the Movies*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Graeber D. (2015) *Debt: The First 5000 Years of History*, Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Graeber D., Wengrow D. (2025) *The Dawn of Everything. A New History of Humanity*, Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Harris M. (2024) *Cannibals and Kings. Origins of Cultures*, Moscow: Publishing House of the Tsiolkovsky Bookstore (in Russian).
- Ivantsov S., Molchanova T. (2025) Organized Crime in the Economic Sphere: Analysis and Trends. *Russian Journal of Criminology*, vol. 19, no 1, pp. 15–27 (in Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(1).15-27
- Klimenko V. (2009) *Climate: an Unread Chapter of History*, Moscow: MEI Publishing House (in Russian).
- Knapp R. (2017) *Invisible Romans. Prostitutes, Outlaws, Slaves, Gladiators, Ordinary Men and Women... The Romans That History Forgot*, Moscow: Centerpoligraph (in Russian).
- Kotsonis Ya. (2006) *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*, Moscow: New Literary Review (in Russian).

- Kulpin E.S. (2008) *The Path of Russia: Genesis of Crises of Nature and Society in Russia*, Moscow: LKI Publishing House (in Russian).
- Mann M. (2018) The Sources of Social Power: in 4 Volumes, vol. 1. *A History of Power from the Beginning to AD 1760*, Moscow: Delo (in Russian).
- Mironov B. (2019) *Russian Modernization and Revolution*, Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (in Russian).
- Pavlov A. (2016) *Demon of Change. Introduction to the Operational Alchemy of Russian Life*, Ulyanovsk: Sole Proprietorship Pavlov A.B. (in Russian).
- Petrov V. (1968) *Slash-and-burn Agriculture*, Kyiv: Naukova Dumka (in Russian).
- Radkau J. (2014) *Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt*, Moscow: HSE (in Russian).
- Repetskaya A.L. (2024) Modern Criminal Labor Market: Characterization and Counteraction. *Baikal Research Journal*, vol. 15, no 4, pp. 1438–1446 (in Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1438-1446
- Schumacher E. (2012) *Small Is Beautiful. Economics as if People Mattered*, Moscow: HSE (in Russian).
- Scott J. (2017) *The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, Moscow: New Publishing House (in Russian).
- Scott J. (2020) *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*, Moscow: Delo (in Russian).
- Sedláček T. (2016) *Ekonomie dobra a zla. Po stopách lidského tázání od Gilgameše po finanční krizi*, Moskva: Ad Marginem Press (in Russian).
- Seleev S., Pavlov A. (2016) *Garagenicks*, Moscow: Country Oz (in Russian).
- Shanin T. (2019) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925*, Moscow: Delo (in Russian).
- Slingerland E. (2023) *Drunk: How We Sipped, Danced, and Stumbled Our Way to Civilization*, Moscow: Alpina Nonfiction (in Russian).
- Sombart W. (2005) *Der Bourgeois: zur Geistgeschichte der modernen Wirtschaftsmenschen*. Werke in 3 Bänden. Band I, Saint Petersburg: Vladimir Dal (in Russian).
- Volkov V. (2020, 2022) *Power Entrepreneurship: XXI Century, Economic and Sociological Analysis*, Saint Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (in Russian).